

ЗАКЛИНАТЕЛЬ РИТМОВ

К 60-летию Мурада Кажлаева

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 ЯНВАРЯ, РАДИО-1—13.30;
РО-4—10.30; РО-3—13.30; РО-2—6.30; РО-1—6.30

Да, именно с его ритмов хочется начать — чудесных, завораживающих, причудливых, напористых. Они повелевают у него всюду — в симфонических картинах, фресках, поэмах, в балете, в песнях для джаза, увертюрах, в лирических новеллах, в вокальной музыке. «Ритм — моя особая страсть», — говорит композитор, — особое увлечение. Горный Дагестан — сокровищница самобытных и разнообразных ритмов. Радостные и грустные песни, танцевальные мелодии — все пронизано четкими ритмами.

Не только в ритме, но и в мелодии, которой присуща терпкая красота и тот особый восточный колорит, — душа мастера, сумевшего всем своим творчеством доказать, что умное и органичное соединение в музыке, казалось бы, несоединимого не только важное средство выразительности, а стиль сердца, позиция творчества, логика смелого и необычайно даровитого художника.

В Колонном зале большой музыкальный праздник в честь Мурада Кажлаева. Мы беседуем с композитором накануне его авторского вечера. И первый вопрос о корнях, об учителях.

— У меня прежде всего две специальности — композитор и дирижер. Композиции я учился у Бориса Исааковича Зейдмана в Бакинской консерватории, дирижерской профессии — у Ниязи. Зейдман — учитель нескольких поколений национальных музыкантов. Сам он — ученик Максимилиана Штейнберга, Штейнберг, в свою очередь, ученик Римского-Корсакова. Так что и нам выпала доля через эту педагогическую линию прикоснуться к гению великой русской культуры.

— Мурад Магомедович, какие бы важнейшие качества вы назвали у своих учителей?

— Зейдман — необычайный творческий профессионализм. Он ненавидел дилетантизм. Ради одного неверного нюанса он выворачивал наизнанку души учеников. Позже, когда я стал преподавать в Махачкале, я старался держать этот принцип профессионализма своего учителя. А Ниязи — это самобытность. И еще темперамент. Он был очень эмоциональным мастером. «Нельзя исполнять музыку, не любя ее», — говорил Ниязи и буквально сгорал на каждом своем концерте.

— Этот вопрос традиционен для вас. И все-таки: как удалось соединить в вашем творчестве самые разные музыкальные пласты — скажем, симфонию и джаз?

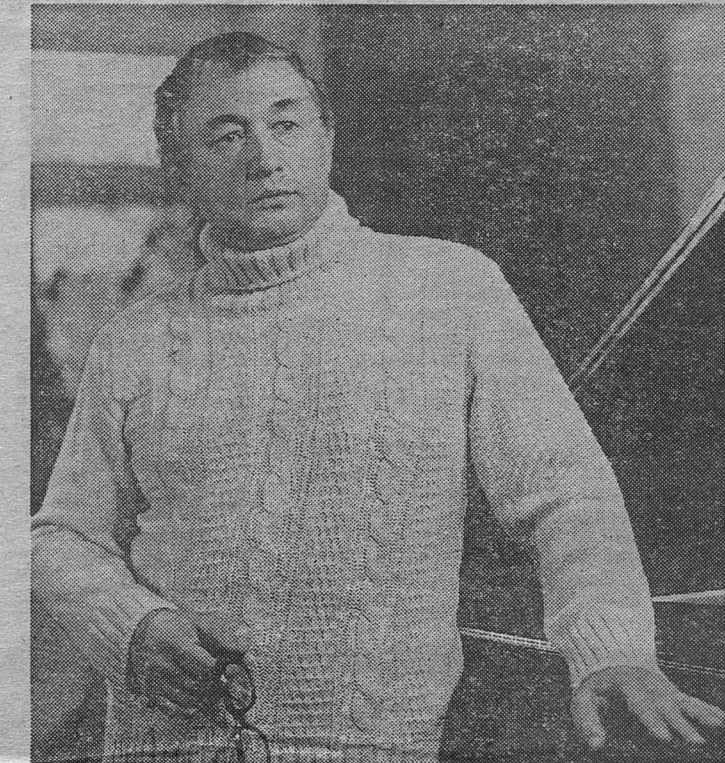
— В 50–60-е годы в нашу страну пробился из-за океана настоящий импровизационный джаз. Джаз — высокая степень искусства. Через него мы по-особому воспринимали европейский импрессионизм (Равель, Дебюсси), да и другие стили, и вывод напрашивался сам собой: истинная музыка должна действовать широкоформатно, диапазонно. Композитор и педагог Кара Караев заставлял своих учеников в Бакинской консерватории играть джаз. Рядом с джазовым мышлением всегда находилось национальное. Я увлекался азербайджанскими мугамами. Потом в фильме «Любовь моя, печаль моя» я применил турецкие мугамы. Короче, джаз должен быть национальным. И ему к лицу симфоническое мышление, полифония и т. д.

— Стало быть, Мурад Магомедович, синтетическая партитура, можно сказать, ваш главный творческий принцип, ваше кредо?

— Да, кредо. Джаз (интонирование, импровизационность, свинг, «атака») я пытаюсь слить с симфонической драматургией. Я это делал всегда. И делаю. И в результате — приближение к тому, что называется демократичностью музыки. А это очень важно.

— Вы не так давно возглавили Большой концертный оркестр Гостелерадио СССР. Что для вас эта работа?

— Честно признаюсь, и плюс

и минус. Положительное то, что сбылась моя мечта иметь оркестр, который может играть все. Например, недавно мы исполнили произведения Моцарта (увертюра к «Свадьбе Фигаро»), Сен-Санса (анконтрапункт корейской пианистки Ион Ин Ли). И через несколько дней участвовали в «Вечере популярной джазовой музыки». А отрицательное... Я почти перестал сочинять музыку. Не успеваю. А успевать бы надо.

— Вы одолели на своем пути не один творческий перевал. Но, как говорят на Востоке, за перевалом — перевал. Что дальше, какие вершины грезятся, Мурад Магомедович?

— Хочу завершить новый балет. Вообще мечтаю привести в порядок то, что написано за все эти годы. А сделано вроде бы немало.

— На вечере, разумеется, прозвучит лишь часть из того, что вами создано. Познакомьте нас с программой юбилейного концерта.

— Вы правы, это будет лишь избранное из моих сочинений

разных лет. Из того, что, так сказать, уже «на слуху» — пьеса «Полет скрипки» (она известна и как поэмы «Почты «Маяка»», «Концертное танго», пьеса «Снова в горы», фрагменты балета «Горняк», «Симфонические фрески», вокальная музыка на стихи А. С. Пушкина, современных поэтов — Р. Гамзатова, К. Кулиева, Б. Дубровина, В. Портнова... Назову исполнителей-солистов: В. Толкунова, И. Кобзон, М. Мунтяну, Л. Серебренникова... Из нового — музыкальная сценка из оперетты «Валида». На вечере будут мои друзья по кино (я, кстати, написал музыку к 40 фильмам): Е. Мирошниченко, А. Лазарев, А. Панкратов-Черный, композитор А. Эшпай, артист Г. Хазанов. Придут и молодые... Я немного подкажирую на вечере — сыграю виртуозную пьесу «Крутые повороты». А молодая певица М. Григорян споет джазовую балладу с использованием темы Рахманинова «Вечность или миг». Будет пролог и эпилог: в них участвуют дагестанские зурначи из высокого горного села Рутул. Хотелось, чтобы это было воспринято символически: без корней, без чувств Отечества жизнь и творчество бескровны.

Беседовал В. ГУСАРОВ

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

Семь лет — 1991–1997–14–20 лет. (1991) — С. 8.